

П.Р. Смертин

Россия, Пермь

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Палеодемографический статус населения Предуралья и Зауралья 1-го тыс. до н.э. - 1-го тыс. н.э. в сравнительном освещении

Цель исследования – сравнение палеодемографической ситуации на могильниках Пермского Предуралья (ломоватовская и неволинская культура) и Зауралья – Западной Сибири (саргатская общность).

Территория ломоватовской культуры (V-XI вв. н.э.) – верхние течения р. Камы, до устья р. Чусовой [Голдина, 1985. С. 4]. Используются материалы могильников: Митинский (IV-VI вв. н.э.); Баяновский (IX-X вв.); Деменковский (VII-IX вв.); Пыштайн II (V-X вв.). Территория неволинской культуры (к. IV – нач. IX вв. н.э.) – бассейн р. Сылвы (левый приток р. Камы) [Голдина, 2012. С. 235]. Используются материалы могильников: Бартымский (2-я пол. VII в.); Верх-Саинский (2-я пол. VI - нач. IX вв.); Бродовский (IV-IX вв.); Неволинский (кон. VII-VIII вв.); Сухой Лог (4 ч. VIII – 1 ч. IX вв.). Археологическая культура выделяется по отличительным признакам. Возможно, кроме культурного барьера, существовал генетический барьер, препятствующий смешению популяций [Яблонский, 2010. С. 83]. Сделана попытка объединения локальных популяций в популяции более высокого уровня: отдельные популяции ломоватовской и неволинской культур.

Территория саргатской общности (V в. до н.э. – V в. н.э.) – поречье Тобола, Ишима, Иртыша и среднее течение Исети и Оми [Ражем, 2009. С. 10-13]. Основание для объединения данных – одинаковые тенденции в распределении умерших (не менее 15-ти) по полу и возрасту в курганной части могильников. Используются данные могильников: Гаевский 1А (III-1-я пол. II в. до н.э.), Гаевский 1Б (II-III вв. н.э.), Савиновский А (II-I вв. до н.э.), Савиновский Б (I-III вв. н.э.), Тютринский А (III-II вв. до н.э.), Тютринский Б (I-III вв. н.э.), Мысовский (I в. до н.э. – II в. н.э.), Мурзинские 1 и 3 (IV-I вв. до н.э.), Скаты 1 (VII в. до н.э. – III в. н.э.), Абатские 1 и 3А (I-IV вв. н.э.), Кокуйский 3 (III-II вв. до н.э.), Исаковский 3, Сидоровский (II-IV вв. н.э.), Марково 1 (нач. I в. до н.э.) [Ражев, 2009. С. 32, 45].

Собраны данные по 320 индивидам ломоватовской культуры [Акимова, 1968; Брюхова, 2007; Брюхова, не опубликовано; Данич, 2019; Шмуратко, 2017], 205 индивидам неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990] и 180 индивидам саргатской общности [Ражев, 2009].

По мнению Д.И. Ражева, совокупность погребенных индивидов неадекватно отражает реальную структуру смертности саргатской общности [Ражев, 2009. С. 54]. Зафиксировано численное преобладание мужчин над женщинами в 1,75 раза; недостаточное количество захоронений индивидов младше 20 лет – 24,9%; пик смертности в 35-39 лет [Ражев, 2009. С. 50]. По мнению Д.И. Ражева, не всех представителей популяции хоронили на исследуемых могильниках. Трудозатраты на сооружение кургана доказывают, что погребение индивида в курганном могильнике обусловлено его принадлежностью к военно-правлящей группе саргатского социума [Ражев, 2009. С. 74-75]. Д.И. Ражев считает, что первые роды у саргатских женщин произошли до 15 лет (тогда же возможна преобладающая смертность при первых родах). Мужская преобладающая смертность (объясняемая гибелью в ходе военных действий) могла быть в возрасте «новобранцев» (неопытных бойцов) – 15-20 лет. Оба вывода не подтверждаются палеодемографическими данными [Ражев, 2009. С. 52-53].

В Пермском Предуралье также есть могильники с курганной частью: Митинский и Бродовский (в выборку взята только курганная часть), Верх-Саинский (материалы грунтовой и курганной части свидетельствуют о единообразии обряда, что позволяет обобщать всех индивидов могильника [Голдина [и др.], 2018. С. 132]). В ломоватовской и неволинской культурах доля дорепродуктивного поколения (до 20 лет) – 47,2 и 36,8% соответственно. Преобладание мужчин в 2,6 раз в ломоватовской культуре вызывает вопросы. Равномернейшее распределение в неволинской культуре (1,3 женщин к 1 мужчине). Возможен социальный отбор на Митинском (мужчин в 1,8 раз больше женщин) и Бродовском (мужчин в 2,3 раза больше женщин) могильниках. Определенную роль сыграла недоизученность могильников и

большая доля индивидов, пол которых не определен. Пик смертности взрослых – 25-29 и 30-34 лет в ломоватовской и неволинской культурах соответственно. Большинство смертельных случаев среди мужчин – 30-34 и 35-39 лет в ломоватовской и неволинской культурах соответственно. Пик смертности в женской выборке совпадает (30-34 года). Большую смертность среди женщин неволинской культуры 15-19 лет (17,9% от всех женщин) можно связать с первыми родами, однако, не известно, с какого возраста девушки вступали в брак. В возрасте 10-14 лет смертность небольшая, значит, смертельных случаев при первых родах в этом возрасте было мало или первые роды случались позже. Важно, что есть случаи появления полного «взрослого» инвентаря у индивидов 10-14 лет. Это может косвенно подтверждать наступление репродуктивного периода (и прохождения инициации) у девушек до 15 лет. Преобладающая смертность при первых родах в ломоватовской культуре не фиксируется. Превалирующая мужская смертность в возрасте «новобранцев» не наблюдается. Это можно объяснить относительной стабильностью обстановки и отсутствием военной угрозы. Однако, военные столкновения и гибель населения случалась [Голдина, 2012. С. 235, 239]. По мнению Р.Д. Голдиной, в ломоватовской и неволинской культурах выделялась военно-правлящая группа [Голдина, 2012. С. 238; Голдина, 1985. С. 162].

Итак, выделяются общие тенденции: наличие военно-правлящей верхушки, социальной стратификации, возможный социальный отбор для погребения. У девушек саргатской общности репродуктивный период наступал до 15 лет, а в ломоватовской и неволинской культурах, возможно, этот период следует сместить на 15-19 лет. Пики смертности можно связать с периодом наибольшей социальной активности. Доля дорепродуктивного поколения в неволинской и ломоватовской культурах выше саргатской. Возможно, данные о структуре смертности Пермского Предуралья более достоверны. Результаты могут быть искажены недоизученностью могильников, возможным отбором для погребения на могильниках, сохранностью костей. Различия могут быть и из-за разновременности памятников.

Список литературы

- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. «Наука». М, 1968. 119 с.
- Брюхова Н.Г. Опыт исследования половозрастного состава населения ломоватовской эпохи (по материалам раскопок могильника Пыштайн II в 2005 г.).//XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург: Магеллан, 2007. С. 228-230.
- Брюхова Н.Г., не опубл. Таблица распределения по возрастам смерти Демёнковского могильника.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д. Об общественном устройстве населения Неволинской культуры. //Археология и этнография. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 14, №3, 2012. С. 235-242.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1990. – 176 с., илл.
- Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI-IX у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. – Ижевск, 2018. – 720 с., илл.
- Данич А.В. Отчёт о научно-исследовательской работе раскопки Баяновского I могильника в Добрянском муниципальном районе Пермского Края в 2018 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2019. (Архив МАЭ ПГГПУ).
- Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 490, [2] с. : ил., табл.
- Шмуратко Д.В. Отчёт об исполнении государственного контракта №45 от 25.04.2017 с Министерством культуры на проведение охранных археологических раскопок на разрушающемся объекте археологического наследия «Митинская курганная группа». КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2017. (Архив МАЭ ПГГПУ).
- Яблонский Л.Т. Физическая антропология: курс лекций / Мар. Гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2010. – 269 с.